

Сильвия
Тлат

Под стеклянным
Колпаком

Издательство АСТ
Москва

Посвящается Элизабет и Дэвиду

Глава первая

Стояло какое-то безумное, удушливое лето, то самое лето, когда на электрическом стуле казнили чету Розенбергов, и я не вполне понимала, что делаю в Нью-Йорке. Я странно отношусь к казням. Меня тошнит от одной мысли об электроэзекуции, а все газеты только об этом и писали: крупные заголовки, словно выпученные глаза, тарасились на меня на каждом углу и у каждого входа в метро, затхло вонявшего орехами. Это не имело ко мне никакого отношения, однако меня навязчиво преследовала мысль о том, что значит быть сожженным заживо.

Мне казалось, что это, наверное, худшее, что может произойти в этом мире.

Нью-Йорк оказался далеко не подарком. К девяти утра неправдоподобная, деревенская с росинкой свежесть, непонятно как проникшая в город за ночь, испарялась, словно остатки дивного сна. Призрачно-серые на дне своих гранитных ущелий, раскаленные улицы плыли в солнечном мареве, крыши автомобилей сверкали, испуская жар, и мельчайшая сухая пыль лезла мне в глаза и горло.

Я постоянно слышала о Розенбергах и по радио, и в офисе, пока они не стали неотступно преследо-

вать меня. Это походило на то, как я впервые в жизни увидела труп. Потом в течение нескольких недель голова трупа — или то, что от нее осталось, — всплывала передо мной за завтраком, когда я ела яичницу с ветчиной, и за лицом Бадди Уилларда, ведь именно он устроил мне это представление. Очень скоро мне стало мерещиться, что я таскаю с собой на веревочке голову трупа, словно какой-то черный, безносый воздушный шарик, воняющий уксусом.

Я чувствовала, что тем летом со мной было что-то не так, потому что я только и думала, что о Розенбергах, да еще о том, как же я сглупила, накупив всех этих неудобных, дорогих нарядов, уныло висевших у меня в шкафу, как рыба на завялке. И о том, как все маленькие успехи, которых я с радостью добивалась в колледже, с шипением лопнули у помпезных фасадов Мэдисон-авеню из полированного мрамора и сверкающего стекла.

А ведь я должна была наслаждаться жизнью.

А ведь я должна была стать предметом зависти тысяч других студенток колледжей вроде меня по всей Америке, которые не хотели ничего, кроме как фланжировать в таких же лакированных кожаных туфлях тридцать седьмого размера, которые я как-то в обед купила в магазине «Блумингдейл» в комплекте с черным лакированным кожаным поясом и черной лакированной кожаной сумочкой. А когда моя фотография появилась в журнале, где работали мы, двенадцать девчонок, все решили бы, что я окунулась в вихрь наслаждений. Ведь на фото я потягивала мартини в глубоко декольтированном платье, лиф которого из искусственной парчи переходил в пышные облака белого тюля, сидя в одном из фешенебельных

баров в компании похожих друг на друга молодых людей с лицами стопроцентных американцев, которых то ли наняли, то ли где-то одолжили для фотосессии.

Вот смотрите, как все может повернуться в нашей стране, сказали бы они. Целых девятнадцать лет живет себе девушка в заштатном городишке, и денег у нее не хватает даже на то, чтобы журнал купить. А потом вдруг получает стипендию для учебы в колледже, получает призы то тут, то там, и вот уже она управляет Нью-Йорком, как своим собственным либузином.

Вот только я ничем не управляла, даже собой. Я просто носилась из отеля на работу, потом на вечеринки, а оттуда в отель и снова на работу, словно одуревший троллейбус. Кажется, мне надо было пребывать в радостном возбуждении, как большинству моих коллег-подруг, но я не могла заставить себя хоть как-то реагировать. Я чувствовала себя неподвижной и опустошенной, словно глаз торнадо, который по-нуру движется вперед посреди окружающего его неистовства стихии.

В отеле нас было двенадцать девушек. Мы все выиграли конкурс журнала мод, написав очерки, рассказы, стихи и рекламные тексты, а в качестве приза получили месячную стажировку в Нью-Йорке с полным пансионом и кучей разных бонусов вроде билетов на балет, пропусков на показы мод, купонов на стрижку и прическу в знаменитом дорогом салоне, а также возможности познакомиться с людьми, добившимися успеха на интересующем нас поприще,

и получать советы по улучшению собственной внешности.

У меня до сих пор сохранился подаренный мне набор косметики, предназначенный для девушки с карими глазами и каштановыми волосами. Тюбик коричневой туши с крохотной кисточкой, круглая баночка голубых теней для век такого размера, что туда помещался лишь самый кончик пальца, и три вида губной помады — от красной до розовой. Все это в позолоченной коробочке с зеркальцем внутри. Еще у меня остался белый пластиковый футляр для темных очков, украшенный цветными раковинами, блестками и пришитой сверху зеленой пластиковой морской звездой.

Я понимала, что эти подарки представляли собой бесплатную рекламу фирм-спонсоров, но не могла относиться к ним цинично. Мне так нравилось получать все эти вещицы, дождем обрушившиеся на нас. Потом я довольно долго прятала их, но спустя некоторое время, когда снова пришла в себя, вытащила их, и они до сих пор лежат у меня по всему дому. Иногда я пользуюсь помадой, а на прошлой неделе срезала с футляра для очков пластиковую морскую звезду и отдала ее ребенку.

Итак, в отеле жили двенадцать девушек, мы обитали в одном крыле, на одном этаже, в одинаковых номерах на одного человека, расположенных друг за другом вдоль коридора, и все это напоминало наше общежитие в колледже. Это не было отелем в полном смысле слова, где на одном этаже попеременно живут мужчины и женщины.

Отель под названием «Амазон» предназначался только для женщин, и обитали в нем по большей ча-

сти мои ровесницы, дочери богатых родителей, желавших быть уверенными в том, что их девочки будут жить там, где мужчины не смогут добраться до них и соблазнить. Все они собирались учиться на элитных курсах секретарш, вроде школы Кэти Гиббс, где на занятия надо являться в шляпках, чулках и перчатках. Или же только что окончили такие элитные курсы и работали секретаршами у больших начальников, вращаясь в нью-йоркском «свете» в ожидании того, что выйдут замуж за какого-нибудь из многообещающих молодых людей.

Все эти девушки казались мне ужасно скучными. Я видела их в солярии на крыше, где они зевали, красили ногти, старались поддержать свой бермудский загар и жутко скучали. Я разговорилась с одной из них — ей тоже надоели яхты, полеты на частных самолетах, катание на лыжах на Рождество в Швейцарии и ухажеры из Бразилии.

От таких девиц меня просто тошнит. Я так им завидую, что лишаюсь дара речи. Мне девятнадцать лет, и все эти годы я просидела в Новой Англии, не считая этой поездки в Нью-Йорк. Это был мой первый крупный шанс, но я просто сидела и упускала его, а он утекал у меня между пальцев, как вода.

Мне кажется, одной из причин моих неприятностей была Дорин.

Раньше я никогда не встречала девушек вроде нее. Дорин приехала из элитного женского колледжа где-то на Юге. Она была яркой блондинкой с пышными, словно сахарная вата, волосами, голубыми глазами, похожими на прозрачные агаты — твердые и блестящие, и постоянной усмешкой на губах. Не презрительной, а скорее веселой и загадочной, словно все

люди вокруг нее не блещут умом, и она могла бы с удовольствием подшутить над ними, если бы захотела.

Дорин сразу выделила меня среди других девушек. Это заставило меня почувствовать себя гораздо умнее остальных, а она действительно была на удивление забавна. Во время занятий она всегда подсаживалась ко мне, а когда мы встречались со знаменитостями, вполголоса шептала мне на ухо едкие саркастические замечания.

Она рассказывала, что у них в колледже моде уделяется пристальное внимание, что у всех девушек сумочки были из того же материала, что и платья, так что всякий раз, когда они переодевались, полагалось менять и сумочку. Эти подробности произвели на меня яркое впечатление. Они намекали на великолепный, изысканный декаданс, к которому меня всегда тянуло словно магнитом.

Единственное, из-за чего Дорин постоянно надо мной подтрунивала, — это из-за моего стремления всегда выполнить задание в срок.

— И чего ради ты надрываешься? — удивлялась она, развалившись на моей кровати в шелковом халате персикового цвета и подравнивая пилочкой длинные, желтые от табака ногти, пока я печатала на машинке черновик интервью с модным писателем.

И еще одно: все мы облачались в накрахмаленные хлопчатые ночные рубашки и стеганные халаты или иногда в махровые купальные халаты, которые могли сойти за пляжные. Но Дорин носила длинные, до пят, нейлоновые кружевные полупрозрачные халатики или же халаты телесного цвета, которые облегали ее, словно наэлектризованные. От нее исходил свое-

образный, слегка отдающий потом аромат, напоминавший мне пряный запах сломанных и растертых между пальцами разлапистых листьев папоротника.

— Ты же знаешь, что старухе Джей Си совершенно наплевать, появится эта статья завтра или в понедельник. — Дорин закурила сигарету и выпустила дым через ноздри, отчего ее глаза заволокло легким туманом. — Эта Джей Си страшна, как смертный грех, — спокойно продолжала Дорин. — Бьюсь об заклад, что ее старикашка-муж выключает весь свет, прежде чем подойти к ней, иначе сблюет.

Джей Си была моей начальницей, и она мне очень нравилась, несмотря на всю болтовню Дорин. Она не относилась к болтушкам из редакций журналов мод с накладными ресницами, увешанных драгоценностями. У Джей Си голова была на месте, так что ее малопривлекательная внешность, похоже, не имела никакого значения. Она владела двумя языками и знала всех стоящих авторов, пишущих о моде.

Я пыталась представить себе Джей Си без строгого офисного костюма и официальной шляпки в постели с ее толстяком-мужем и просто не смогла этого сделать. Мне всегда было ужасно трудно представить себе людей, лежащих в одной постели.

Джей Си хотела меня чему-то научить. Все пожилые дамы, которые мне встречались, хотели меня чему-то научить, но мне вдруг начинало казаться, что им нечему меня научить. Я приладила крышку на пишущую машинку и защелкнула ее.

— Умница, — расплылась в улыбке Дорин.

Кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — встать я не удосужилась.

— Это я, Бетси. На вечеринку идешь?

— Вроде иду. — К двери я так и не подошла.

Бетси привезли прямиком из Канзаса с озорным белокурый хвостиком и улыбкой «возлюбленная от-личника». Помню, как однажды нас с ней пригласили в офис выбритого до синевы телепродюсера, одетого в дорогой костюм, чтобы тот посмотрел, есть ли в нас что-нибудь такое, включая формы, что он мог бы использовать в программе. И тут Бетси начала рассказывать о Канзасе, о мужских и женских растениях кукурузы. Она так разошлась, повествуя об этой чертовой кукурузе, что даже у продюсера на глазах выступили слезы, вот только пользы, к сожалению, от этих слез не было никакой, как он сам сказал.

Чуть позже редактор журнала «Бьюти» уговорил Бетси изменить прическу и поместил ее фото на обложку. Я до сих пор время от времени вижу, как она проплывает мимо, улыбаясь с плакатов, рекламирующих женскую одежду.

Бетси всегда зазывала меня в компанию к себе и другим девушкам, словно стараясь каким-то образом меня спасти. Дорин она никогда не звала. За глаза Дорин называла ее скотницей-оптимисткой.

— Хочешь поехать с нами в такси? — спросила Бетси из-за двери.

Дорин покачала головой.

— Не волнуйся, Бетси, — ответила я. — Я поеду с Дорин.

Я слышала, как она шлепает по коридору от моей двери.

— Поедем, побудем там, пока нам не надоест, — сказала мне Дорин, туша сигарету о подставку моей прикроватной лампы, — а потом отправимся зажигать в город. Все эти вечеринки, которые тут для

нас устраивают, напоминают мне старомодные танцы в спортзале. И почему нам всегда достаются парни из Йеля? Они же такие тупы-ы-ые!

Бадди Уиллард отправился в Йель, но теперь, задумавшись, что же в нем не так, я поняла, что он оказался тупицей. Ну да, ему удавалось получать хорошие оценки, и у него случился роман с какой-то жуткой официанткой по имени Глэдис, но интуиции в нем не было ни на йоту. А вот Дорин интуицией обладала. Все, что она говорила, звучало подобно тайному голосу, вещавшему прямо изнутри меня.

Мы попали в пробку. Это было как раз то время, когда все спешили в увеселительные заведения. Наше такси оказалось зажатым между машиной, в которой ехала Бетси, и авто с четырьмя другими девушками. Движение встало.

Дорин выглядела потрясающе. На ней было белое кружевное платье без бретелек, застегнутое на молнию поверх плотно облегающего корсета, который подчеркивал ее округлые формы, а кожа отличалась блестящим бронзовым загаром под слоем прозрачного талька.

Я была в узком черном платье из чесучи, обошедшемся мне в сорок долларов, одной из тех вещей, которые я купила на часть своей стипендии во время лихорадочной беготни по магазинам, когда узнала, что принадлежу к числу счастливиц, отправляющихся в Нью-Йорк. Оно было какого-то странного покроя, и под него я не могла надеть лифчик. Но это не имело особого значения, поскольку фигурой я вышла тощая, как мальчишка-подросток, да к тому же пло-

скогрудая, и в жаркие летние вечера чувствовала себя почти голой.

В городе с меня слез почти весь мой загар. Я сделалась желтой, словно китаянка. В другой ситуации я бы нервничала из-за своего платья и необычного цвета кожи, но, сидя рядом с Дорин, забыла о своих переживаниях. Я чувствовала себя чертовски искушенной и циничной.

Когда мужчина в синей рубашке с накладными карманами, черных твиловых брюках и кожаных ковбойских сапогах со скошенными каблуками начал медленно приближаться к нам из-под полосатого навеса бара, откуда он рассматривал наше такси, я не тешила себя никакими иллюзиями. Я прекрасно понимала, что его зацепила Дорин. Он ловко проскользнул между стоявшими машинами и непринужденно облокотился о край нашего открытого окна.

— А что, позвольте спросить, такие очаровательные девушки, как вы, делают одни в такси в такой дивный вечер? — Он улыбнулся широкой белозубой улыбкой, как на рекламе зубной пасты.

— Мы едем на вечеринку, — буркнула я, поскольку Дорин вдруг онемела, как столб, и принялась с томной рассеянностью поигрывать своей белой кружевной сумочкой.

— Какая скукота, — отозвался мужчина. — Отчего бы нам с вами не пропустить стаканчик-другой вон в том баре? А мои друзья составят нам компанию. — Он кивнул в сторону нескольких нарочито небрежно одетых мужчин, с ленивым видом стоявших под навесом.

Они внимательно наблюдали за ним и, когда он оглянулся в их сторону, дружно рассмеялись.

Мне следовало бы насторожиться, услышав этот негромкий смех тертых калачей, но тут впереди обозначились признаки какого-то движения, и я поняла: если продолжу сидеть тихо, то через пару секунд пожалею об упущенном шансе увидеть в Нью-Йорке что-то кроме того, что так тщательно отбирала для нас редакция журнала.

— Ну, что скажешь, Дорин? — спросила я.

— Что скажешь, Дорин? — отозвался мужчина, широко улыбаясь.

До сих пор не могу припомнить, как он выглядел, когда не улыбался. По-моему, он улыбался везде и всегда. Наверное, это стало частью его облика.

— Ну, хорошо, ладно, — согласилась Дорин.

Я открыла дверь, и мы вышли из такси, которое медленно поползло вперед, и направились к бару.

Раздался жуткий визг тормозов, за которым последовал глухой удар.

— Эй, вы! — Наш таксист высунулся из окна и повернул к нам пунцовое от ярости лицо. — Вы чего это тут устраиваете?

Он так резко остановил машину, что ехавшее следом такси смачно впечаталось в него, и мы видели, как находившиеся в нем четыре девушки размахивали руками, цепляясь за что попало и пытаясь подняться с пола.

Мужчина рассмеялся и, оставив нас стоять на тротуаре, вернулся и посреди оглушительного гудения клаксонов и каких-то криков вручил водителю купюру. А потом мы увидели, как девушки из журнала уехали в следовавших одно за другим такси, словно свадебная кавалькада, состоящая из одних только невест.

— Пошли, Фрэнки, — бросил мужчина одному из своих друзей, и небольшого роста крепыш отделился от стоявшей у бара группки и зашел с нами внутрь.

Он оказался из тех, кого я не выношу. Рост у меня метр семьдесят пять без каблуков, и когда рядом оказываются низкорослые мужчины, я сутулюсь, переваливаюсь из стороны в сторону, стараясь казаться ниже, и чувствую себя неуклюжей и застенчивой, словно разыгрываю интермедию.

Примерно минуту я вопреки всему надеялась, что мы разделимся в соответствии с ростом и тогда я окажусь в паре с женщиной, который с нами заговорил. С виду в нем было метр восемьдесят, но он явно нацелился на Дорин и не удостоил меня даже взгляда. Я старалась делать вид, что не замечаю Фрэнки, сменившего рядом и пытавшегося взять меня под локоть, и села за стол рядом с Дорин.

В баре было так темно, что я едва могла разглядеть что-то, кроме своей подруги. С ее светлыми волосами и белым платьем она светила так, что казалась серебристой. По-моему, в ней отражался свет неоновых ламп над стойкой. Я же чувствовала себя сливающейся с темнотой, словно негатив изображения человека, которого я никогда в жизни не видела.

— Ну, что закажем? — спросил мужчина с белой улыбкой.

— Мне бы что-нибудь традиционное и старомодное, — ответила Дорин.

Выбор выпивки всегда ставил меня в тупик. Я не отличаю виски от джина, и мне ни разу не удалось выпить что-то, что бы мне по-настоящему понравилось. Бадди Уилларду и другим моим знакомым ребятам из колледжа обычно не хватало денег на креп-